

Надежда Панкова

БОБРОВЫЙ НОРДОН

УДК 087.5, 502.2, 502.4, 502.7, 82-43

ББК 20.1

П 163

Панкова Н. Л. Бобровый кордон. — Верхний Тагил: Уральское
Провинциальное издательство (ИП Чумаков С. В.), 2021. — 200 с., илл.

Ознакомительный файл

Знак информационной продукции 12+

UUID: 1ed2dbf8-1c72-447c-ac09-905d0e38b810

В книгу включены очерки, в которых сотрудник Окского заповедника делится с читателями тайнами жизни бобров в пойме заповедной реки Пры, а заодно – эпизодами своей собственной жизни в заповедном посёлке. Тексты автора о бобрах и людях рядом с ними – редкое сочетание научной достоверности и мастерского владения художественным словом.

Издание рекомендуется широкому читательскому кругу – профессиональным натуралистам и любителям природы всех возрастов. Для оформления использованы рисунки и фотографии автора, а также материалы из архива Окского заповедника.

Иллюстрации: Панкова Н. Л.

Авторы фотографий: Панков А. Б., Панкова Н. Л., Панкова М. А.

Редактор: Капленко В. Н.

Для оформления обложки использованы фотографии А. Панкова и полученные по свободной лицензии (cc) с сайта Pixabay.com

Все права защищены. Предназначено для использования только в личных целях. Копирование, распространение и коммерческое использование запрещены.

© Панкова Н. Л., текст, иллюстрации, 2021

© Оформление. ИП Чумаков С. В., 2021

© Электронное издание. ИП Чумаков С. В., 2021

ИП Чумаков Сергей Викторович, Свердловская область, г. Верхний Тагил

e-mail: uralizdat@bk.ru сайт: <http://uralizdat.ru>

группа в соцсетях: <https://www.facebook.com/groups/uralizdat>

Надежда Панкова

БОБРОВЫЙ НОРДОН

Уральское
провинциальное
издательство
Верхний Тагил
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

С. Мошковский. О бобрах и людях	6
БОБРОВЫЙ КОРДОН	9
Пеньки	10
Тишина	12
Ботаники	14
Истоки	20
Всё связано со всем	22
Озёрное дно	24
Бобровники	27
Восстановление справедливости	34
Смотрины озёр	37
Смотрины озёр (продолжение)	42
Возвращение	45
Колыбель	50
Преимственность	53
Одна история закончилась, началась другая...	59
ДАРЫ БОБРОВ. Записки учётчика	65
От листопада до ледостава (вместо предисловия)	67
Часть 1. Перепись бобрового населения	71
Домики и усадьбы	72
Предзимье	77
З — Заготовка	82
Н — Нора	92
П — Полухатка	94
Х — Хатка	96
ЗМ — Запаховая метка	98
Бобровая семья	99
Учётчики, перечётка погрызов и утлая заготовка	104
Дрон	110
Часть 2. Дары бобров	120
Ивняки и отмели	120
Потайной цвет	126

По следам реки	133
Митины и Санкины	142
Андропова лука	146
Сабельниковое и Кабанье	148
Старица в подарок	150
Серый день N 1: двое	152
Серый день N 2: волки	154
Портки	159
Макаров прорыв	160
Уютная округа	161
Глобус Окского заповедника	163
Большая река	168
На Оке	169
Сказка о потерянной заготовке	171
Серый день N 3: при реках Вавилона	174
Подробности темноты	175
Бобровая песня	177
Часть 3. Наперегонки с зимой	179
Ледостав	179
Шугоход	180
Снежура	181
Забереги	183
Певучий лёд	183
Хрум-хрум	187
По застывшей реке	188
Зима	190
ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РЕДКИХ, МЕСТНЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ, УПОМИНАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ	193
ОКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ЗАПОВЕДНИК	196
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	198
ОБ АВТОРЕ	199

О БОБРАХ И ЛЮДЯХ

В наши дни, когда электронное книгоиздание стало повседневной практикой, выходит огромное количество книг. Казалось бы, их разнообразие способно удовлетворить любой вкус. Однако мне как читателю и в каком-то смысле натуралисту не хватает книг о природе, особенно о нашей, которые, помимо научной достоверности, обладали бы художественностью. Книги по популяризации науки из разных областей (число которых, к счастью, сейчас растёт как на дрожжах) написаны, как правило, сухим журналистским языком. Тем более, научные исследования в наше время настолько усложнились, что требуется перевод на популярный язык их результатов не только широкой публике, а, скажем, в случае биологии – биологам из других областей. То же происходит и в других областях знания. На мой взгляд, читателям очень не хватает русской литературы о природе, в том жанре, который хорошо знаком читателям по произведениям Пришвина и Паустовского, книгам Арсеньева или рассказам Бианки.

Не будет преувеличением сказать, что образовавшуюся пустоту могут заполнить очерки, представленные в этой книге. Будучи профессиональным натуралистом с большим опытом работы на охраняемых территориях, их автор – Надежда Панкова – с юных лет работает с художественным словом. Она не раз публиковала поэзию и прозу и с успехом участвовала в литературных конкурсах. Произведения Надежды интересны тем, что они исходят не от литературности, не от отвлечённой фантазии, а от богатого опыта общения с природой. Такими по своему происхождению были ранние работы Лескова, который по коммерческой части объездил сверху донизу всё Поволжье; статьи и книги Гиляровского, работавшего бурлаком на русских реках и силачом в балагане; очерки многих других беллетристов и публицистов прошлого. «Бобровая» книга автора – результат многолетних наблюдений за животными в естественной среде, во время которых Надежда, познавая научную сторону жизни бобров и других млекопитающих, сохраняла лиричный, а порой даже мистический взгляд на окружающую природу и людей в связи с нею.

Европейский бобр – самый крупный грызун Евразии – оказался к началу XX века на грани исчезновения. В течение трёх веков до настоящего момента он – из-за неумеренной охоты за пушниной – был для

большинства людей мифическим животным, встречавшимся в виде одной-двух крошечных популяций на огромную страну. И это при том, что из-за большого значения этого зверя в хозяйстве древней и средневековой Руси название этого зверя входило в множество топонимов, фамилий, а его изображение широко применяли в геральдике. К счастью, сегодня бобр – уже привычный обитатель лесостепной зоны России. С поселениями бобров могут встретиться не только сельские жители, но и горожане. Например, в столице бобровыми семьями заселены водоёмы в парке Покровское-Стрешнево, в Серебряном Бору, малые реки Яуза и Сетунь и многие другие подходящие места. Как же бобры вернулись в нашу природу? В 1930-е годы в системе недавно образованных советских заповедников произошло расселение диких бобров из единственного в то время на европейской территории страны участка их обитания в Воронежской области. Советское правительство тогда преследовало вполне прикладные цели – создать запас пушнины для будущего экспорта. Расселение оказалось успешным, но к тому времени как численность зверя возросла и бобровые семьи появились за пределами охраняемых территорий, ценность пушнины упала. В итоге европейского бобра ждало счастливое процветание.

Увлекательную историю заселения бобрами одного из заповедников средней полосы России – Окского – можно узнать из книги «Бобровый кордон». В этом сборнике автор делится с читателями тайнами жизни бобров в пойме заповедной реки Пры, а заодно – эпизодами своей собственной жизни в заповедном посёлке. Тексты Надежды о бобрах и людях рядом с ними – редкое сочетание научной достоверности и мастерского владения художественным словом. Я горячо рекомендую эту книгу, кстати, собственноручно иллюстрированную автором, широкому читательскому кругу – профессиональным натуралистам и любителям природы всех возрастов.

Сергей Мошковский, профессор Российской академии наук, биолог, автор популярных статей по биологии и медицине.

БРЫКІЯ БОР

ЗАПОВЕДНИК

**БОБРОВЫЙ
НОРДОН**

Пеньки

На заповедное озеро Уханское дороги не было, только «пеньки». Это даже не гать, это пунктир из склизких, погружающихся в болотную ржавь стволов и рыжих ольховых пней. С этих «пеньков», по которым мы тащили рюкзаки с резиновой лодкой и запасом еды на несколько дней, вёслами отбиваясь от комаров, началась когда-то наша с Лёшей (моим мужем) заповедная жизнь с водоёмами её и бобрами.

Это недра Окского заповедника, которые трудно себе представить рядовому посетителю Брыкина Бора, фотографирующемуся под соснами «эстакады» на фоне излучины реки Пры. Водораздел, болотистая ложбина с блюдцами озёр – наследием ледников. Самая ядрёная Мещёра юго-восточная, застойная древность которой не разбавлена динамичным духом речных пойм. У озёр низкие топкие берега и болота, протянувшие щупальца между сосновыми гривами, – не благообразные сфагновые «мшары» Константина Паустовского, а настоящий «поганный олёх», как тут зовут топкие чёрноольшаники. Это словечко «олёх» мы, тогда только приехавшие из Москвы, впервые услышали от госинспектора Толи, провожавшего нас на озёра. Он коренной мещеряк, потомственный «лесник», выросший в этом обходе при своём отце, среди комаров, крапивы и низинного торфа. Мы-то в раскатанных болотниках, а он идёт в коротких резиновых сапогах – и ни разу не оступился. «Я на спор все эти «пеньки» бегом пробежал однажды», – говорит. «И как?» – восхищаюсь я. «Да без проблем». Толя на ногах стоит крепко, даже если под ногами шершавое ольховое бревно и метры вязкого торфа.

Речку Чёрную, запруженную бобрами, переходили тогда по бревну. Чёрный омут с жёлтой кубышкой мне, тогдашней студентке-дипломнице, в самую душу глядел.

Удивительно, что ни «пеньки», ни переправа эта не смущали деревенских браконьеров, пытающихся (как правило, в пьяном виде) прорваться к заповедному озеру Уханскому, обеспечивая

тем самым Толе работу. Одного такого как-то повстречали: пустые белёсые глаза, через плечо автомобильная камера (плавсредство), в руке недопитая бутылка водки. Бодро покачиваясь, шлёпает по болоту, уворачиваясь от ольховых стволов. Крепкий мещёрский народ, гибкий, как болотный ивняк, живучий, как корневище белокрыльника.

Недавно были там снова и поразились. Вместо бревна Толя организовал настоящий мост, который заканчивается покрашенным красной краской шламбаумом, запёртым на замок. Да такой шламбаум, что пеший налегке ещё как-то пролезет, а транспорт, включая даже велосипед, протащить нет никакой возможности. «Молодец Толя, – подумали мы, перелезая шламбаум. – Вот что значит настоящий хозяин». А дед тот с камерой и бутылкой пролезет, интересно? Да и жив ли он, лет пятнадцать с той поры прошло... И пеньки уже не те, что прежде.

Толя – хозяйственный, как хороший бобр, его обход внушает уважение: просеки пропилены, мосты наведены, всюду разного рода шламбаумы, а может, где-то и шипы. Заехавших к нему научников из Брыкина Бора (а между нашим посёлком и селом Лубяники пропасть километров в пятнадцать) он всегда приветствует, старается накормить обедом и довезти на транспорте до какой-нибудь особо топкой падины, чтобы было меньше пустого хода. Пустой ход любят только люди праздные, а на озеро Уханское ездят не гулять, а работать. Слово «падина» я не смогла найти ни в одном словаре, но оно в ходу у наших инспекторов и обозначает особенно топкое и мокрое место в олёхе, где застревает трактор. «Лужа, что ли?» – спрашиваю. «Да нет, какая лужа, падина!». Ну ладно, падина так падина.

У каждого хорошего хозяина есть трактор. И у Толи есть. Как-то раз мы мудрили с логистикой и решили забрасываться на озеро Уханское через Вёщерки. Толя взялся довезти нас до «четвёртой падины». Рюкзаки сложили в ковш и поехали. Первую падину проехали, вторую, третью... Вот и четвёртая. «Проедем или не проедем?» – задумчиво произнёс Толя.

И, прежде чем мы успели отреагировать на его вопрос, трактор ухнул в чёрную болотную жижу по самый ковш. «Не проехали...» Вылезать пришлось в затянутую ряской воду. Да уж, это не лужа, это именно что пацина. Болотная вода проникла в рюкзаки, пропитала спальные и хлеб. Мы с Лёшей эвакуировались на один берег пачины, сухой солнечный бугор, а Толя на другой – и пошёл в деревню за подмогой. Пока мы сушили вещи на бугре, долго ещё слышали яростное рычание двух тракторов, тянущих из болота своего коллегу.

Тишина

Нигде больше нет такой тишины, как на озере Уханском. Над водой голубоватая дремотная дымка. По берегу кольцом стоят чёрные ольхи с шероховатой корой, их корни уходят в чёрный низинный торф. К озеру подходит песчаная грива, поросшая широколиственным и сосновым лесом, там мы и ставим палатку среди желтеющего орляка. Когда год засушливый, вода озера отступает, оставляя песчаную полосу под берегом. Там мы и разжигаем костёр, на песке, на озёрном дне, чтобы не беспокоить корни деревьев и не поджечь лесную подстилку. Огонь – у самой воды. Вечером дым мешается с туманом.

Такая тишина охватывает здесь, что не хочется строить планы, говорить и думать о будущем. Какое будущее может быть там, где тысячелетия напролёт озеро копит в своей котловине ил и не стареет. Волны размывают берег до древнего белого песка. На отмели прорастает тростник и встаёт стеной, через которую не протолкнуть лодку (раньше – деревянную, нынче – резиновую). Пройдёт сколько-то лет, и его сменит зелёный сочный рогоз, а о тростнике напомнят почерневшие корневища в разрытом кабанами грунте. Потом на месте рогоза снова поднимется тростник, и так до бесконечности. Если и разговаривать на этом берегу – то о прошлом.

– Почему озеро называется Уханское?

– Видимо потому, что по форме похоже на ухо.

Действительно – похоже. С берега не увидишь, а на карте – да.

– А почему пишется через «а»?

– А кто его знает...

Соседнее с ним озеро, тоже ледникового происхождения, называется Татарское. Есть предположение, что здесь, на этих гривах среди малопроходимого «поганого олѣха», рязанцы спасались от набегов татар. Но, скорее всего, Татарское – потому что здесь просто рыбачили татары – уже другие, мирные. Касимов – татарский город, относительно недалеко. Но это не так интересно. Рядом – через болото, через гриву песчаную – ещё озёра: Вѣщерки, Писмерки. Финно-угорские имена, до-русская тёмная мещёрская древность.

Тишина здешняя особенная, внутренняя какая-то, её не спугнёт комариный (и даже волчий) вой, писк водяных крыс, стук дятла, верещание пойманного хищником зайца, ночной крик неясности. Кажется, над озером Уханским даже самолёты не летают. Или летают (как не летать?), но редко. Как-то на озере нас застала буря, и тогда мы узнали, как оно – тихое – от ветра может кричать, гудеть, неистовствовать, словно мятежная человеческая толпа. До жути: вот-вот начнёшь разбирать слова. Восстание? Битва? Думаешь невольно: что хранят эти древние илы, чьи кости... Обманчивая тишина истории, поросшей крапивой и чёрной ольхой.

Как-то раз от Уханского мы с Лёшей отправились на озеро Кальное, самое таинственное и труднодоступное озеро в заповеднике. Кальное – от славянского слова «кал» в значении «грязь», «ил». Название своё оно оправдывает: метр бурой мутной воды и несколько метров вязкого ила, зыбкая сплавина берегов. И чей-то рваный болотный сапог на ивовом кусте – как жутковатый памятник. Шли туда впервые, искали путь по приметам, обозначенным нам госинспектором Толей. Недалеко от «просека», на

суходольном бугре наткнулись вдруг на кирпичи. Один, второй кирпич, – остатки фундамента, открывшегося под пожухшим папоротником.

Такая дичь, глушь, тишина, лосями обгрызенная сосновая поросль, и вдруг – кирпичи. Какая-то туманная тайна.

Когда вернулись в цивилизацию, то есть в заповедный посёлок, узнали от одного из старожилов, что на том месте, где мы нашли кирпичи, более полвека назад стоял кордон Уханский. Его построили в 1937-м году, когда на озеро заселяли бобров.

– И дорога туда была?

– А как же! Не нынешние «пеньки». Бобров завозили на телегах, была хорошая гать. Всё тогда было, что ты!

Ботаники

Впервые на берега озера Уханского я попала не в связи с бобрами. Я тогда вообще особо о них не думала и была студенткой-дипломницей, изучавшей динамику зарастания озёр заповедника. В мою миссию входило выяснить, как изменилась растительность озёр с момента их предыдущего описания около тридцати лет назад. Тридцать лет – целая небольшая жизнь. Предыдущий исследователь озёр – ботаник Бэлла Филипповна, к тому времени уже глубокая пенсионерка, – одиноко доживала свою долгую сложную жизнь в бревенчатом доме под соснами. В том самом, в котором я сейчас пишу эти строки. Я шла тогда к ней с некоторым трепетом, путаясь в домах и соснах, горках и ложбинках посёлка Брыкин Бор.

Изучать динамику чего-либо – это значит возвращаться снова и снова. Когда я закончила университет, мы с мужем и дочерью переехали в заповедник, и нам дали половину как раз того дома, где жила Бэлла Филипповна. Мы стали соседями по вековой, на две части разгороженной избе, с отметиной в стене от удара молнии. Но в первую нашу встречу строгая, аккуратная, коротко стрижен-

ная старушка разговаривала со мной через порог, а я трепетала от того, что старушка была не простая, а заповедная – пропитанная романтическими мещёрскими туманами. Тридцать лет тому назад она тоже сидела на берегу озера Уханского, охваченная тишиной, проплывала на лодке над древними илами, отталкиваясь веслом от ольхового ствола. Может быть, она что-то знала и о том таинственном кордоне. Так о многом одновременно хотелось бы поговорить с ней, что я растерялась, а она сказала только: «Смотрите мои публикации, в них всё есть». И закрыла дверь.

Личного контакта не вышло ни тогда, ни потом, когда мы стали соседями. По тому, как она поджимала губы в ответ на приветствие, я догадывалась, что наша семья слишком шумная и живая для тонкой деревянной перегородки. Мы, того не желая, мучили пожилую женщину, такую суровую, замкнутую и кроткую, своим присутствием несколько лет – до самой её смерти.

Из публикаций в Трудах Окского заповедника, которые я внимательно изучила, стало ясно, что и у Бэллы Филипповны был предшественник по работе на озёрах, с материалами которого она сравнивала свои, – Чернов В. Н., первый научный сотрудник заповедника, начавший работать в невероятном 1935 году. Семидесятилетняя на тот момент история попала в мои неопытные руки.

Вневременная тишь и глушь озера Уханского и исторические кирпичи сделали своё дело. Если бы не тот заросший папоротником фундамент былого кордона, не факт, что я так обрадовалась бы пыльным папкам библиотечных архивов. Но теперь я вдыхаю их волнительный запах – так для меня пахнет время. Серые и жёлтые машинописные листы, папки с надписью «Дело №...» и «хранить вечно». Вечно! Дела настолько давно минувших лет, что никто из живых не помнит. Даже самые старые из моих коллег тогда ещё не родились или были младенцами. Никто уже не знает даже, как звали Чернова – только инициалы В. Н. Я остаюсь один на один с прошлым и читаю его между машинописных и рукописных строк.

Меня почему-то очаровывает всё уходящее. Может быть, потому я и прижилась в заповеднике. Мне хорошо среди старых толстых деревьев, и жаль бывает, когда река Пра в своём беспокойном движении подмывает берег и в воду падает очередной дуб. Река сменит русло, и мы привыкнем к нему; из желудей на песчаном берегу уже подрастают новые дубы, не хуже прежних. Но всё-таки жаль уходящего, исчезающего в тёмной воде, забывающегося. Иногда мне кажется, что любимый мною мир похож на прибрежный дуб, к которому уже вплотную подобралась река. Одно-два хороших половодья – и всё...

Когда-то жёлтая бумага, которую я с трепетным уважением взяла в руки, была совсем новой. На деревянном столе, таком же, как в моём кабинете сейчас, лежали ученические тетради в линейку, исписанные химическим карандашом, – такие тетради использовали первые сотрудники заповедника для черновых записей. Поздняя осень, потому что все всегда пишут отчёты поздней осенью. Печатная машинка. Может быть, она до сих пор валяется где-нибудь на складе. На ней В. Н. Чернов выстукивал обязательное в 1935 г. вступление:

«В условиях социалистического хозяйства необходимо использование всех природных богатств края, в том числе в области рыбоводства, пушного и охотничьего хозяйств...».

Я как будто слышу его голос, серьёзный и добросовестный, как в старых советских фильмах. Закурил – тогда все курили. Раздавил бычок о стеклянную пепельницу, посмотрел в окно, за которым качались сосны сталинской эпохи. Я переворачиваю жёлтую страницу отчёта и с головой ныряю в подробные и пространные описания знакомых мне озёр: расположение, берега, растительность. От этих научных зарисовок на меня веет университетской интеллигентностью и какой-то, будто бы сдерживаемой, поэтичностью, и я выдумываю себе Чернова В. Н. как человека непростого.

И – застѣгнутого на все пуговицы. Моя фантазия опирается на стиль текста и почерк (латинские названия растений вписаны фиолетовыми чернилами). Не выдаст ли себя неосторожным словом живая душа, пробившись сквозь формат?

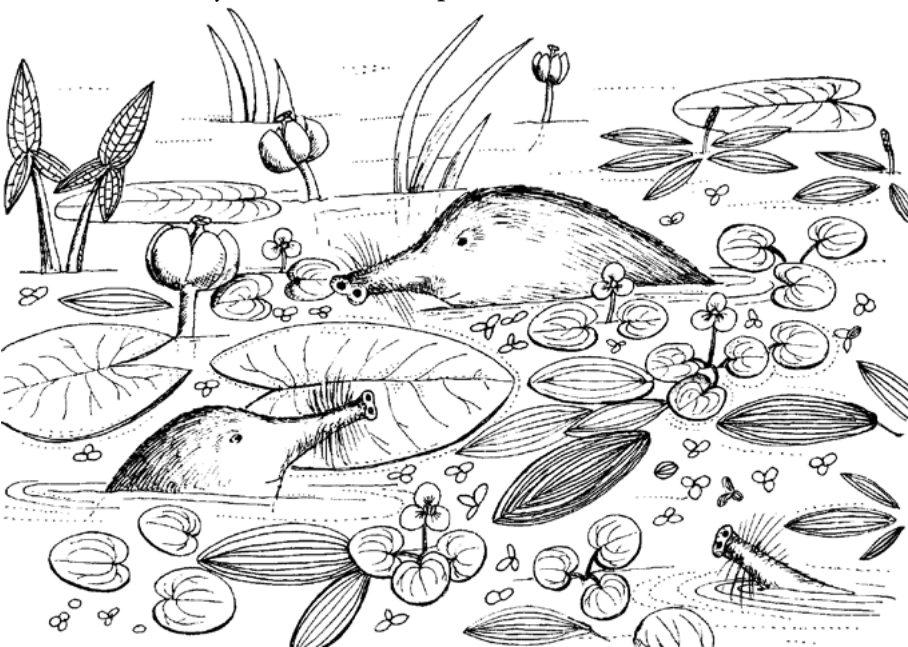
В. Н. мог бы быть моим собеседником на берегу озера Уханского, родился я на несколько десятков лет раньше. Но всё, что известно мне о нём: он первый сотрудник заповедника, и у него была жена и помощница Чернова Е., рисовавшая пёрышком аккумуляторные схемы для отчётов, вкладывавшая свою художественную натуру в буквы с причудливыми закорючками.

Мне интересно, шли ли слова «в условиях социалистического хозяйства необходимо...» из самого сердца исследователя или были больше продиктованы необходимостью времени? То есть был ли он скорее романтиком или прагматиком? В ХХI веке в диссертации тоже необходимо включать такие разделы, как «актуальность» и «практическая значимость» работы, но многие аспиранты, вроде меня, писали их в последнюю очередь и с тяжкими вздохами. Кто-то скажет, что такие люди, не знающие, для чего они работают, вовсе не должны становиться учёными. Возможно. Но тут я не могу не вспомнить своего покойного учителя профессора Владимира Гавриловича Папченкова, который, долго пытаясь рационально объяснить своё пристрастие к изучению рек, в конце концов воскликнул: «Реки, они же – живые!». И весь засветился от радостной детской улыбки.

Водоёмы заповедника – древние ледниковые озёра, речные старицы с торфяной водой и подмытыми берегами, широкие голубые заводи со стрекозами, реющими над розетками водного ореха, – по духу 1930-х годов в СССР должны были рассматриваться как места обитания ценных для социалистического хозяйства животных, в первую очередь – выхухоли, для сохранения которой Окский заповедник создавался. Сам водоём, с его зыбким илистым дном, жёлтыми душистыми цветами кубышки, склизкими листьями рдестов, облепленными икрой прудовиков,

самими прудовиками – моллюсками с нежным телом и тонкой раковинкой, монструозными личинками стрекоз со слюдяными крыльями, был ценен настолько, насколько был способен обеспечивать рост и размножение важных для хозяйства животных. Шкурка для шубы и мускус для духов – вот что такое была выхухоль (хохуля), реликт фауны третичного периода с хоботом, как у маленького мамонта. И ещё – хвост, чешуйчатый, как у бобра, но, как мы знаем из книг, в высушенном виде использовавшийся для отдушки белья. Утрирую: водоём со всей своей флорой, фауной и поэзией есть садок для выращивания шубы.

Не знаю, правильно ли будет сказать, что Окский «выхухольевый» заповедник создавался для того, чтобы окончательно не исчезли потенциальные шубы. Но если буквально понимать предисловия к отчётам и статьям того времени – похоже на то. Или учёные просто переусердствовали в утилитаризме при обосновании актуальности своей работы.

Преемственность

Выслушивать весной бобрят в хатках меня научил Николай Васильевич Уваров, а его – Владимир Сергеевич Кудряшов, которого обучала, может быть, сама Марина Николаевна Бородина или наблюдатели, работавшие с ней. Надо подойти к хатке тихонько, чтобы не хрустнул под ногой прошлогодний ольховый лист, затаиться и слушать. Оглушительно-весёлая песня зяблика, нудный комариный гуд, плеск воды. Но если у бобров появился приплод, то рано или поздно к этим звукам присоединится требовательное хныканье малышей и ответное ворчание матери. Мне каждый раз весело слышать эти весенние звуки. Но можно представить чувства исследователей, услышавших их впервые на берегу озера Уханское. Тревога, ожидание, а потом радость, почти родительская. Гордость – почти родительская. Первенцы. Пушистые комочки, с хвостами шириной в палец.

Бобреха-мать чувствует, что кто-то подошёл к хатке, и начинает угрожающе шипеть. Лучше уйти и не тревожить её. В тёмном гнезде из ивовых стружек малыши в безопасности. Бобры – заботливые родители, они будут беречь своих бобрят, как озёрное сокровище. А люди будут беречь бобровую семью – и родителей, и детей. Их хатку и их озеро.

В течение первых трёх лет в разные водоёмы заповедника было выпущено двадцать три воронежских бобра. Мещёра приняла их ласково, как будто и не было сотен лет разлуки. К началу войны молодые бобры, родившиеся в заповеднике, уже самостоятельно странствовали по сумрачным ольховым болотам и темноводным озёрам. Образовывались новые семьи, шло строительство хаток, рылись норы в песчаных берегах. Рождались бобрята. Вместе со всей страной, в духе её, бобры осваивали природные богатства. То здесь, то там, в зелёных осинниках и серебристых ивняках, наблюдатели обнаруживали новые бобровые «лесосеки» и «лесоповалы».

Последующие страшные события в мире людей не смогли остановить начатого процесса. Бобры продолжали расселяться, а Марина Николаевна, проводив мужа на фронт, продолжала их изучать.

Осенью 1941 года в сером небе появились птицы пострашнее орлана и скопы – фашистские самолёты бомбили город Рязань. В это время бобры ремонтировали первую в заповеднике плотину на старой мелиоративной канаве в глубоком тылу ольховой топи. Война взрывала предзимье, ломала прозрачный лёд. Холодный её ветер слёзы выбивал из глаз. Притихшую землю зима укутала снегами в ноябре, а потом, чтобы как-то поучаствовать в мировом процессе, жажнула такой стужей, такие подняла бураны, что закружила и заморозила своих и чужих. Но жизнь продолжалась. К январю 1942 года линия фронта отошла за границу области.

Рассказывают, что во время войны люди, как кабаны, копали на отменях Пры клубни стрелолиста и ели их, как картошку. В лесу собирали не только грибы, но и жёлуди, обдирали кору с осин. Из воды доставали и ели склизкие колючие плоды водяного ореха. Люди в сёлах недоедали: продовольствие шло на фронт. В свете всей этой тревожной прифронтовой маеты так удивительно видеть запись, сделанную рукой Марины Николаевны: «1943 год – обнаружено первое поселение бобров на реке Ламше». До бобров ли ей было? А может быть, только бобры её и спасали от выматывающего душу ожидания письма – или похоронки.

Лев Павлович закончил войну под Кёнигсбергом и вернулся в заповедник. В год победы бобры впервые вырыли норы на старицах Санкина Лука и Эстакадная. В 1946 году у Бородиных родился сын Павел, а бобры добрались до заросшего телорезом озера Ерус. К 1950-м годам бобры заселили уже все лучшие водоёмы заповедника, на многих из которых их потомки живут и теперь, доедая кубышку и тальник.

В 1956 году, когда они возвели хатку даже на забракованном ранее озере Кальном, в котором чёрного ила больше, чем воды, в заповеднике сочли возможным отловить сотню бобров для отправки в другие регионы.

В 1957 году Марина Николаевна Бородина защитила в Москве кандидатскую диссертацию по теме «Реакклиматизация речного бобра в бассейне реки Оки и биологические основы его хозяйственного использования» и стала одним из авторитетных специалистов по бобру в СССР. Год до её защиты не дожил Михаил Федосеевич, «патриарх» кордона Старое. А в 1958 году Бородины переехали в Мордовский заповедник, на восточную оконечность того же заселённого бобрами бассейна Оки.

Бородина М. Н., зоолог заповедника.

Савин Н. М., один из первых наблюдателей Окского заповедника.

Самарина Белла Филипповна, ботаник заповедника, 1960-е годы

Зоолог Кудряшов В. С. с дочкой Леной. Фото из архива Окского заповедника

Одна история закончилась, началась другая...

А как же бобровый кордон на озере Уханское? Оказывается, в сороковые годы, когда он стал уже не нужен, его раскатали по брёвнышку и перевезли в Брыкин Бор. Может быть, он где-то стоит в посёлке и теперь.

В наш последний день на озере подул сильный ветер и из-за леса поползла объёмная, как гриб, серая туча. Маленькая экспедиция подошла к концу, и природа будто намекала нам, что не стоит задерживаться. Озеро помутилось от быстрой ряби и почернело. Гудели сосны на гриве, металась над палаткой дубовая крона, теряя листья и жёлуди; волны раскачивались и бились об ольховые корни, как о скалы. Где-то в лесу рухнуло дерево. Цапля каркнула и пропала в общем гуле. Темнота затопила озеро, потухший костёр, палатку и нас. Ни звёздочки, ни светлячка. Посреди ночи вдруг стало тише. Мимо палатки по тропе прошёл какой-то крупный зверь. Всю ночь ветер гонял над нами тучи, мял их, как тесто, и к утру раскатал в тонкое сухое марево. Повсюду рассыпались ободранные с деревьев листья, и некоторые из них уже были ясно-жёлтые, совсем сентябрьские. Озеро лежало в берегах тихо и скромно, горизонт нежно затушёвывала голубоватая дымка.

Мы собрали рюкзаки, залили и закопали костёр... Лёша снял с дубовой ветки свои дырявые носки. Только утоптаные ландышевые листья и заломленный орляк напоминали о нашем присутствии здесь. Пора было уходить, но уходить не хотелось. Я давно знаю это чувство. Смотрю на воду умоляюще:

– Ещё немного тишины, ещё немного серебристого покоя дай мне...

Но озеро неумолимо:

– Люди, вы уже сделали своё дело, возвращайтесь домой. Хватит рассоливать...

Да, пора. Уже приехал госинспектор Толя на своём мопеде. Лицо у него сегодня какое-то угрюмое: может быть, тоже плохо спал в эту ненастную ночь. Он берёт у нас самый тяжёлый рюкзак и ставит на багажник.

– Всех бобров посчитали?

– А то!

Я опять оглядываюсь на прохладную гладь.

– Прощаешься с озером, будто навсегда! Чаше приезжайте, а то сидите в своём Брыкином Бору...

Толя заводит мопед и исчезает в ольшанике. Мы уходим по тропе вслед за ним...

Озеро Уханское в начале осени. Фото Панковой М.

Вечер на озере Уханское. Фото Панковой М.

Плывущий бобр. Фото А. Панкова.

Хвост бобра. Фото А. Панкова.

ДАРЫ БОБРОВ

Записки учётика

Бобры готовы раздавать свои дары,
Когда опали листья у осины.
Зверь тихо ждёт у потайной норы
На берегу торфянистой трясины.

Бобр скромн. А гордыня чловечья
Уместна ль там, где узел староречья?

Дары бобров неярки и суровы,
Пути бобров трудны и непролазны.
Но ягоды шиповника багровы,
А капельки на ягодах алмазны.

С бобром насквозь проходим мы предзимье –
Речное чрево чёрное, налимье.

Бобр водит нас изнанками речными,
Пускает за кулисы берегов.
Глушицами, Рогастыми, Кривыми –
Озёрами дремучими, глухими
Делиться зверь готов:

Моренными белёсыми песками,
И вязкими богатыми илами,
И чёрными морёными дубами,
И круглыми живыми желудями...

Не жаль сапог дырявых и трудов!
Богаты мы богатствами бобров,
Поклонники прибрежного устава,
От листопада и до ледостава.

ОТ ЛИСТОПАДА ДО ЛЕДОСТАВА

(вместо предисловия)

Обычный день предзимья в Окском заповеднике: дубы, осыпав жёлуди на обмелевшее речное дно, растопырили ветки под низкой тучей. Между дубами и тучами летает орлан-белохвост. А под дубовым корнем, над мелкой холодной рекой Прой – нора. В норе – бобровая семья.

В гнездовой камере тепло, тихо, темно. Бобры спят, прижавшись друг к другу боками, и, возможно, видят сны. Про реку. И днём, и ночью – река.

Бобры закончили свои осенние дела в срок. Во-первых, выбрали нору для зимовки и отремонтировали её, укрепив палками и замазав илом провалившийся потолок. Во-вторых, под берегом, в омуте, где рыбы холодные дремлют, затопили на зиму плотную кучу ивовых веток – «заготовку». Эти веточные консервы сохранятся в проточной воде, и зимой бобры будут спускаться в омут, как в погреб, чтобы взять веточку, кора которой сохранила вкус осени. В-третьих, возле норы, на тропах в ивняке, на песчаной косе, за которой начинается чужая территория, обновили запаховые метки: песчаные холмики, политые знаменитой «бобровой струёй». Все пункты осеннего списка выполнены. Теперь бобры отдыхают и ждут ледостава как главного события предзимья.

Предзимье – это такая пауза. Всё в природе уже готово к зиме, затихло, притаилось. Кто улетел, кто спрятался, а кто мехом с густой подпушью оброс. Все как бы «сидят на чемоданах», ждут, когда приедет поезд-зима. А сколько ждать – никому не известно.

С утра до вечера давит хмарь, простуженное небо забито тучами. Но иногда вдруг выглянет солнце, и тогда тетерева на берёзах путают осень с весной и начинают токовать, журчать, как ручейки. На солнце оживают цвета предзимья – ржавые пятна прибрежной осоки, жёлтые заросли канареечника.

Рыжеватая речная вода, розовые кипы ивняков и кóсы белёсого речного песка. Всё так подходит одно к одному на осенней реке. И прощальное солнечное тепло на щеках...

А бобрам, кажется, всё равно. Целый день сидят в норе и вместо солнца друг друга греют.

Итак, на реке пауза предзимья. Эта пауза как раз подходит для проверки бобровых поселений, границы которых теперь хорошо заметны. Хорошо видны бобровые «лесосеки» и «заготовки» – мы специально ждали, когда бобры сделают их, и только тогда начали учёт.

Вниз по течению реки, туда, где тёплая бобровая семья дремлет до вечера, бодро топают по берегу реки два человека в болотных сапогах; куртки и шапки у них в семенах череды. Остановились. Один, который с биноклем, поднимает с песка белую палочку, разглядывает и возглашает:

– Погрыз взрослого бобра!

Второй тычет замёрзшими пальцами в GPS-навигатор, болтающийся на груди – ставит точку.

Идут дальше. На излёте излучины отмель заканчивается густым серым ивняком.

– Ну вот, опять...

– За каждой отмелью ивняк, за каждым ивняком – отмель.

Лезут дальше, ломаются, как кабаны. Сухая ивовая ветка цепляет шапку, и та остаётся висеть. «Ой!» – коленкой на острый бобровый погрыз.

– Сапог цел?

– Вроде... Много сгрызено веток, значит, должна быть заготовка.

– Но где же она?

– Кто ж её знает! – голоса резко и бесцеремонно звучат в холодном воздухе, нарушая строгую осеннюю тишину. Нежной мелодией льётся мелкая речная вода через корягу.

За ивняком берег делается выше, появляются дубы, а под ними, в омуте – куча веток.

– Вот она, бобровая заготовка! Ура!

Корешки на потолке бобровой норы заходили ходуном. Грохот, голоса. Оборвалась дремота, замерли звери: может быть опасность пройдёт мимо? Нет, стоит кто-то, топчется. Нервы натянуты, мышцы напряжены. В любой непонятной ситуации ныряй в воду – знает бобр. Это так же верно, как то, что надо заготавливать ветки на зиму и метить «бобровой струей» границы поселения. Человеческие голоса опять:

– Ставь точку в навигаторе!

Из-под веток пузыри пошли, булькнуло что-то, колыхнулась вода. Это у одного из бобров «сдали нервы».

– Смотри, вышел, вот, вот! Тихо... Может всплывёт!

И правда, через какое-то время из воды показалась усатая осторожная морда и тут же скрылась. Пузыри, круги по воде, тишина.

– Отлично, нора жилая. Хватит пугать бобров, пойдём.

Шаги удалились – двое в болотных сапогах ушли вниз по течению.

Бобр вернулся в нору холодный и мокрый и долго обтирался и отжимал шкурку, прежде чем вернуться в гнездовую камеру. Досадное происшествие скатилось в копилку опыта его небольшой жизни и тихо заняло там своё место.

А учётчики идут дальше. Например, это могли быть я и моя дочь Маруся. Когда я проходила этот маршрут впервые, дочь ещё ходила в детский сад. Теперь она лаборант в научном отделе заповедника.

– Интересно, а что бобры про нас, учётчиков, думают? – спрашивает она.

– Как зоолог ничего сказать не могу. Но вот охотники-манси, например, считали, что бобры понимают человеческую речь и вообще очень наблюдательны. Легко представить, как сидят бобры в норе, и старый бобр молодому рассказывает: «если ты слышишь над норой топот и слова «заготовка», «погрыз», «вылаз», если ви-

дишь, что кто-то рассматривает наши объедки и следы, то не бойся – это учётчики». Значит – всё в порядке, жив ещё заповедник, и мы нужны людям. С тех пор как стоит наш заповедный мир, каждую осень учётчики обходят поселения бобров. Во времена прадедушек они ходили в кирзовых сапогах и телогрейках, носили с собой бумажные карты и теряли в ивняках химические карандаши. Теперь они ходят в высоких болотных сапогах и отмечают наши норы и заготовки в GPS-навигаторах.

Отметят, запишут, потопчутся над норой и уйдут вниз по реке... А вслед за ними улетят последние цапли и утки. Упадёт в реку первый снег. Пройдёт шуга, появятся ледяные забереги и будут расти, пока не сомкнутся посреди реки.

А когда сомкнутся забереги и затянутся полыньи твёрдым льдом, наступит новая эпоха – зима.

ЧАСТЬ 1

ПЕРЕПИСЬ БОБРОВОГО НАСЕЛЕНИЯ

«Учёт численности является важнейшим элементом в изучении популяционной структуры вида»

А. В. Емельянов, 2009 г.

На мой телефон приходит СМС, а я стою в болотных сапогах на берегу озера и разглядываю бобровый погрыз. Вдруг что-то важное? Начинаю читать: «Надежда, какие у Вас планы на осень?»

– Считать бобров, – чуть не ответила я машинально, но прочитала дальше. Оказывается, какой-то банк хочет всучить мне кредит. Какой может быть кредит, когда ты стоишь в чёрной жиже возле бобровой хатки. Вокруг сумрачно, вокруг – предзимье. Считать бобров. От листопада до ледостава.

Считать бобров – это как «считать ворон»? Странное, бесполезное дело? Когда давно живёшь и работаешь в заповеднике, таких вопросов не возникает. Вот уже более восьмидесяти лет, что бы ни произошло, каждую осень здесь, в Окском заповеднике, «считают бобров», точнее говоря, ведут мониторинг популяции речного бобра. А учёт численности, как известно, является важнейшим элементом в мониторинге популяции вида. Для того и созданы заповедники – защищать, сохранять, изучать, вести долгосрочные наблюдения за популяциями животных и растений.

И вот уже около пятнадцати лет мы с мужем участвуем в этом деле.

Домини и усадьбы

(экскурс в историю бобрового учёта)

«Поселение – это участок угодий, занятый одной семьёй бобров, парой или одиночным зверем»

В. К. Хлебович, 1947 г.

Чтобы было понятно, как именно мы считаем бобров и почему, надо сделать небольшой экскурс в историю вопроса.

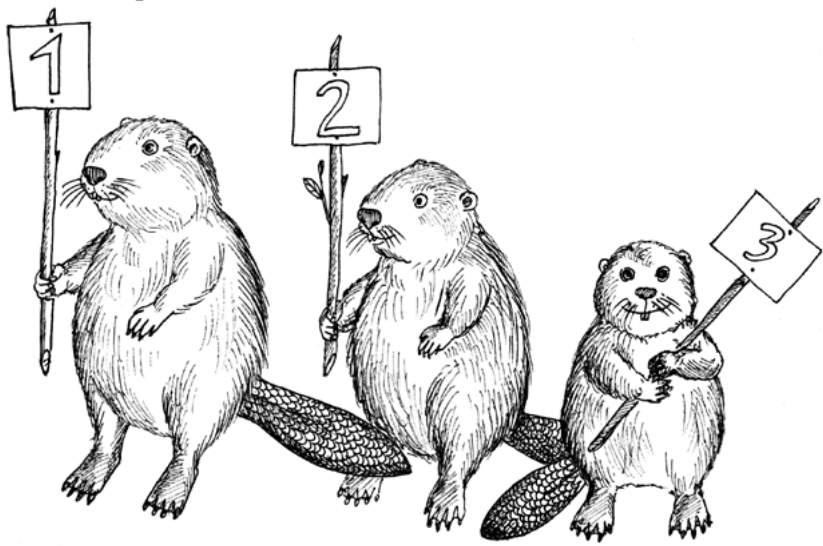
Некоторые специалисты считают, что в средние века на Руси бобровники поначалу не истребляли бобров бессистемно, а вели своего рода «бобровое хозяйство» и даже занимались селекцией, выводя семьи с нужным цветом шкурки. Наверное, и «считать бобров» они как-то умели, ведь хозяйство немыслимо без учёта. Но потом стало не до хозяйства, так как спрос на бобровый мех превышал предложение. Бобры исчезли, исчезли и знания о них. В начале XX века, когда встал вопрос о восстановлении бобровых популяций, учёным пришлось всё начинать с нуля.

В 1920-1930-е годы сотрудники недавно организованных бобровых заповедников срочно искали оптимальный способ пересчёта своих бобров. Сколько у нас бобров – это главное, что для начала нужно было узнать. Важно было понять, как меняется численность, угрожает ли бобрам вымирание. Можно ли отлавливать бобров на расселение, а если да, то сколько? Без учёта численности этих вопросов не решить.

А бобры хитрые, непростые зверюги. Появляются в сумерках, грызут в кустах, шепчутся, бормочут, плещутся. Чем гуще ночь, тем громче возня, а утром ярко-белой древесиной сияет на всю округу подгрызенный вековой дуб. Навстречу зоологам бобры идти не хотели, не доверяли, осторожничали, шкуры свои драгоценные берегли. Это и не удивительно: трудно поверить так сразу, что люди могут прийти в бобровые угодья с добрыми намерениями.

Бобровое время – ночь, значит, по логике, считать их надо ночью. В Воронежском бобровом заповеднике сперва придумали довольно романтичный способ учёта: наблюдатель, сплавляясь на лодке по реке, должен был подсчитывать производимые бобрами удары хвостами по воде. Но, как писал зоолог Вильгельм Казимирович Хлебович, работавший в том же заповеднике заместителем директора по научной работе, этот метод «не мог дать положительных результатов и не нашёл применения по вполне понятным причинам». Далеко не все бобры приветствуют лодку ударом хвоста по воде, многие бесшумно ныряют или продолжают свою деятельность в скрытых темнотой кустах.

Профессор Анатолий Владимирович Федюшин в Березинском заповеднике придумал считать бобров, измеряя следы их лап. Но эта идея тоже оказалась не слишком хороша, потому что следы стираются волочащимся сзади тяжёлым хвостом, и хороший отпечаток трудно найти. Он же предложил определять число бобров по погрызам, измеряя следы зубов штангенциркулем с точностью до десятых долей миллиметра, но и этот трудоёмкий метод не прижился.

Подсчёт бобров так просто не давался. Но не сидеть же по ночам с биноклем на каждом бобровом водоёме? Не хватит биноклей, да и людей не хватит.

К. А. Киселёв, один из первых директоров Воронежского заповедника, в те же 1920-е годы пытался взять за точку отсчёта бобровые норы и «домики» (как трогательно называли тогда бобровые хатки, хотя и привычный теперь термин «хатка» звучит не менее трогательно). Но и здесь бобры проявили коварство.

Чтобы представить себе трудности, с которыми столкнулись зоологи, я предлагаю такую аналогию. Некий инопланетянин захотел провести учёт людей в заповедном посёлке Брыкин Бор. Приходит в посёлок ночью, когда люди спят, и видит следы, ведущие к постройкам двух типов: с окнами (домам), без окон (сараям). Как же посчитать людей?

Таковыми же «инопланетянами» чувствовали себя первые исследователи бобров, стоя на берегу водоёма и разглядывая следы жизнедеятельности зверей, сидящих в своих «домах».

Может быть, в каждой постройке живёт по одному человеку? – думает инопланетянин. Или – по одной семье, ведь известно, что люди (как и бобры) чаще всего живут семьями. И вот он приходит к нашему дому и, пока мы спим, обнаружив свежие следы возле дома, сарая, дровяника и туалета, решает, что каждая постройка заселена одной семьёй. Итого, четыре семьи вносит он в учётную ведомость. Вместо нашей одной.

Киселёв совершил ту же ошибку, что и инопланетяне, решив, что число бобровых жилищ равняется числу семей.

Но, поскольку у бобров, как и у людей, часто имеются многочисленные «надворные постройки» различного назначения – весенние, летние, зимние, кормовые норы, хатки, коблы – число семей оказалось завышено в несколько раз.

Ясность в этот вопрос внёс всё тот же незаурядный бобровед Вильгельм Казимирович из Воронежского заповедника, чётко сформулировавший определение термина «поселение»:

«Поселение – это участок угодий, занятый одной семьёй бобров, парой или одиночным зверем».

Это был прорыв в понимании бобрового образа жизни. Теперь редкая статья о бобрах на русском языке обходится без упоминания В. К. Хлебовича. По аналогии с людьми, поселение – это усадьба с надворными постройками и наделом земли. Именно поселение, а не самого бобра (особь), оказалось удобнее считать «учётной единицей» при переписи бобрового населения.

В 1935 году Хлебович представил «статистический» метод учёта, основанный на подсчёте числа поселений. Но остался вопрос: как узнать число особей?

Придумали так: при помощи полного вылова или наблюдений надо определить число бобров в некотором количестве поселений, а потом рассчитать среднее число бобров на одно поселение. Эту цифру можно умножить на число поселений и получить общую численность бобров на территории. Метод пусть и грубоватый, но достаточно простой для применения на больших площадях.

Позже свою «Инструкцию по учёту численности речного бобра» составила и Марина Николаевна Бородина – первый, ещё совсем молодой бобровед Окского заповедника, «учитывая наработки коллег и собственный полевой опыт». Она тоже рекомендовала брать за единицу учёта «бобровую семью», в которой может быть от одного до десяти бобров, и образующую «поселение».

Так с тех пор мы и считаем бобров по поселениям.

Поздней осенью...

Бобровые погрызы на берёзе и дубе

Н – Нора

Мы шли по берегу реки Пры – Николай Васильевич, Лёша и я. То серым ивняком шли, то прибрежной дубравой. Через заросли калины, мимо красных ягод.

– После заморозков ягоды будут вкуснее.

Поговорили о погоде, о том, были ли в этом году настоящие ночные заморозки. Пролетели мимо калины снегири с грустным свистом. А под самый берег свисают такие же красные, но ядовитые ягоды паслёна.

– Осторожнее, бобровые норы! – говорит нам Николай Васильевич, смеясь одними глазами. – Можно провалиться.

Весь берег изрыт норами, и их земляной «потолок» местами весьма тонок. Кое-где в земле зияют тёмные провалы – портал в бобровый мир. Я заглянула в дыру – пахло сырой почвой, грибами. Приглядевшись, увидела под землёй сгрызенные ветки и стружки. Тем временем что-то булькнуло под берегом. Дырка, в которую я заглядывала, была продухом, обвалившимся вентиляционным отверстием, а настоящий вход в бобровую нору всегда под водой. Это важно: ни один нормальный бобр не будет жить в норе с обсохшим выходом. Если нора дырявая, значит – нежилая.

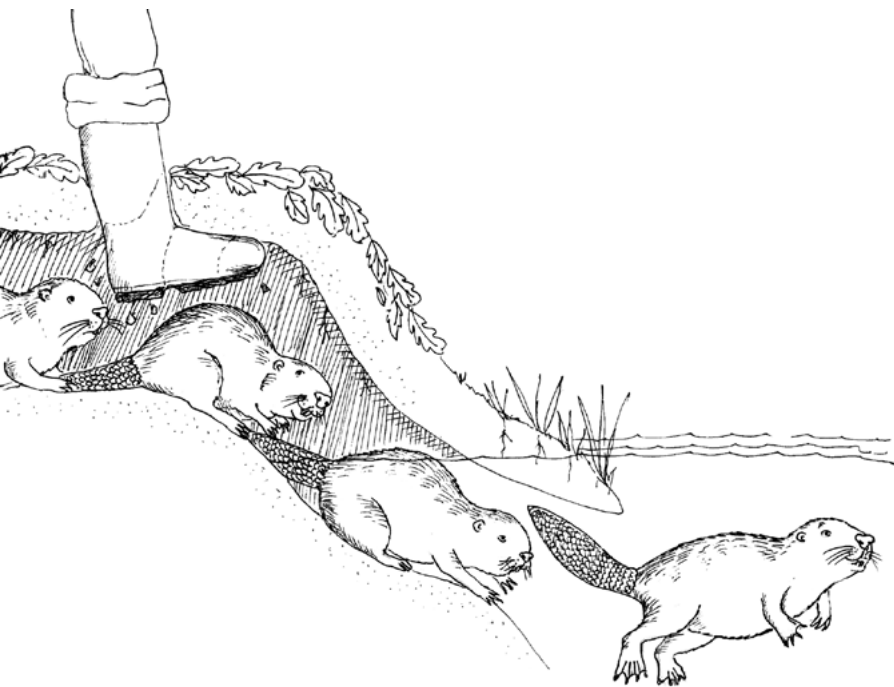
Учётчику провалиться в бобровую нору – дело нехитрое. Каждый хоть раз да проваливался. Как-то раз Лёша шёл по берегу реки и вдруг оказался одной ногой в норе. Нога скользнула по чему-то мягкому, живому. Оказывается, он попал ногой прямо в гнездовую камеру, где в это время сидели хозяева норы. Это, конечно, не то, что упасть в медвежью берлогу, но несколько секунд он стоял одной ногой в норе и решал, что делать. Зажатый в норе зверь напирал на ногу. Это были доли секунды, но показалось, что долго. А когда решился вытащить ногу, из норы, из-под сапога в воду один за другим стремительно выпали пять бобров. Именно – выпали.

– Выпали они из норы как... Ну... Как из прямой кишки... – не договорил Алексей, смутился своей метафоры.

– Зато всех пересчитал. И сапог цел.

Жалко обрушенной норы, но бобры её потом заделали. Укрепили крышу палками, замазали илом. А потом ещё укрепят и ещё замажут. И когда-нибудь нора после очередных ремонтных работ станет уже не норой, а полухаткой.

Полухатка – это ещё не хатка, но уже не нора. Это своего рода бобровая землянка, или нора, облагороженная рукотворной крышей или пристройкой. Рукотворной – я не оговорила, ведь бобровые лапы – это почти руки: пятипалые, умелые.

Новорожденный бобрёнок. Фото А. Панкова.

Бобровая семья. Фото А. Панкова.

Дрон

На осоковом лугу, похожем на рыжую звериную шерсть, стоит лось и прядает ушами. Над ним зависла странная жужжащая птица, и лось не знает, что делать. Он отходит в сторону – птица за ним, он перепрыгивает мелкую мелиоративную канаву – птица за ним. Такого ещё не бывало.

– Зверь какой-то, что ли... Да это ж лось! Аaaaa! Лось!

Улыбка у Сани растягивается до ушей, и уши, кажется, тоже участвуют в улыбке. Он впервые увидел лосей с квадрокоптера. Тюленей видел, китов видел, а лосей – нет.

Когда дрон подлетел на десять метров, лось побежал по лугу, как тяжёлый длинноногий заяц.

– Ладно, работать надо! – с сожалением говорит Саня, возвращая дрон на маршрут. Жужжащая птица прекращает преследование, но лось ещё некоторое время бежит в сторону сосняка, оставляя за собой след в пожухшей осоке. Маршрут идёт по мелиоративной канаве, мы облетаем её в поисках не лосей, но бобров.

Если подняться выше, туда, где летает орлан-белохвост, можно увидеть, как прорезает пойму Оки канава от коренного берега до самого русла. Канаву прорыли в шестидесятые годы XX века, чтобы осушить заливные луга. Сырые осочники, оставшиеся на месте древнего русла реки Пры – притока Оки, – портили шикарные колхозные сенокосы. И по древней провской долине пустили осушительную канаву. От центрального канала в стороны разошлись каналы второго порядка, обводной канал шёл под сосновым бугром. Урочище получило название «Карты». Система канав собирала воду из низин и несла её в Оку. Но уже лет через десять, когда берега начали обрастать ивняком, бобры включили канавы в своё хозяйство и начали возводить на них каскад плотин.

Дрон летит над канавой, передавая видеосигнал на смартфон, прикрепленный к пульту управления. Сначала канава едва

видна из-под прибрежных ив, потом мы замечаем плотину, а за ней бобровый пруд. Посреди пруда стоит старая добротная хатка. Уже лет пятьдесят, как у бобров тут своя мелиорация. Я ставлю крестик на бумажной карте: канава обследована, летим на следующую.

Так летать бы да летать, находя бобровые поселения с воздуха, но почти разрядился аккумулятор. Саня переключил что-то на пульте, и дрон, взревев, рванул в нашу сторону. Долетел, завис в воздухе, мигая огоньками, как бы говоря: «Вот он я».

– Прилетел, голубок белокрылый! – Саня ловит его рукой.

«Голубок» смотрит зло и весело, потому что Саня нарисовал на его белом корпусе раскосые глаза, нос гуманоида и большой зубастый рот. Чтобы птиц отпугивать, ну и просто так.

– Злой он. Это он на меня злится! – говорит Саня, любовно упаковывая своего летающего друга. Этим летом в тундре он разбил его о маяк – единственный высокий объект во всей округе. Дрон разлетелся на кусочки, но Саня эти кусочки собрал и повёз домой, брату. Брат – рукастый технарь, который соберёт что угодно из чего угодно, – смог как-то воскресить это чудо техники, и теперь оно снова летает, но уже не над насиженным тюленями морским побережьем, а над бобровыми канавами поймы Оки. А в честь брата Саня назвал кита. Саня, вообще-то, китами занимается. Но вот теперь и бобрами тоже.

Канавы идут через пойму Оки путём древней Пры, и если подняться повыше, то можно увидеть заросшие осокой меандры. Сейчас Пра петляет на несколько километров севернее, оставляя за собой подковообразные и вытянутые староречья. На довольно большом приустьевом участке две поймы – большой реки и притока – сливаются, староречья их соседствуют друг с другом, а то и путаются, переплетаются, и уже не поймёшь, где старицы Пры, а где Оки. Вот, например, Шилище. Вьётся по лугам узкой змейй непонятного происхождения, впадает в Оку одним концом. А ещё Орешные, Тоня, Кривое и великое множество озёр и баклуш, которые мы должны осмотреть на предмет бобров.

Рекa Ока

Старицы в заливных лугах реки Оки. Фото А. Панкова с квадрокоптера.

ЧАСТЬ 2

ДАРЫ БОБРОВ

Ивняки и отмели

Глядя на речные изгибы на карте, на линии пройденных маршрутов, я думаю о том, что бобры, вводя исследователя в свой мир, могут многому его научить. Бобровый учёт в заповеднике – это не только сбор научного материала, но и ежегодная «духовная практика». Эти звери, выбирая место для зимовки, совершенно не думают о том, как мы станем их находить и удобно ли нам будет добираться до их поселений.

Если осенью в Пре много воды, то речные маршруты проходим на моторной лодке, и тогда учётчики узнают всё о злой ноябрьской воде. Она леденит дно лодки так, что в зимних бахилах за несколько часов ноги застывают до бесчувствия. Она становится непроглядной, свинцовой и чужой, хотя ещё недавно мы купались в ней и радовались. Теперь – обжигает руки, пока вычерпываешь её из лодки обрезком пластиковой бутылки. Река поздней осенью не в духе, как медведь перед залеганием в берлогу. У неё – ледостав, а тут мы, со своей лодкой. Ломаем тонкие забереги, тревожим засыпающую поверхность.

После ясной звёздной ночи в моторе перемерзает система охлаждения. Ледок звенит, переохлаждённая вода собирается в кристаллические сгустки, и они плывут по течению, как чудовищные бесформенные медузы. И только бы не выпасть из лодки, покаловишь красными руками бобровые погрызы, и так зуб на зуб не попадает. Но если воды мало и на лодке не пройти – учётчик остаётся один на один с реалиями речных берегов, в подробностях познаёт их устройство, их философию. Прошлая осень была многоводной, нынешняя – сухая.

Ничто так не учит смирению, как дикие речные берега. Мы с дочерью Марусей, моей помощницей на учёте, стартуем вниз по течению с выпуклого берега, выставившего крутой песчаный

лоб из-под шапки ивовых зарослей. Хорошо и быстро идти в болотных сапогах по урезу воды, где песок плотнее, осматривая берега. Этой осенью вода если и похожа на чай, то только на слабо заваренный зелёный. Торфяной оттенок ушёл, после того как болота в верховьях иссыкли от засухи, и реку поддерживают только собственные ключи и скудные осадки. Мелкая вода собирает песок складочками, прибывает к берегу дубовые листья. Любуемся, умиляемся. Проходим выпуклость излучины, там сужается полоса песка, ивняк подступает. Некоторое время пытаемся идти вдоль ив, но торчащие ветки преграждают путь, загоняя нас на глубину. Ничего не остаётся, как лезть в прирусловой ивняк.

Прирусловой ивняк тянется широкой лентой вдоль берега. Бобы жируют в нём, грызут его нещадно, но он разрастается быстро, густо, ветви и стволы переплетаются в дикую чащобу. Тут становится жарко, потому что приходится продираться и проламываться. Снимаем шапки, перчатки. Ивовые стволы заплетены повиликой. Свисают красные ядовитые ягодки паслёна. Невозможное что-то... А противоположный берег дразнит белой отмелью. Хорошо там, где нас нет!

– Лучше бы шли по тому берегу, – говорит Маруся.

– Нет, извилистая река устроена так, что берега у неё асимметричны, но совершенно равноценны, – учу я, – каждому берегу отмерена одинаковая протяжённость непроходимых ивняков и гладких отмелей.

– Но тот берег всё-таки лучше.

– Это тебе кажется. Верь мне, у меня карта. И жизненный опыт.

Продвигаемся по ивняку трудно, со скоростью слизней, пока не наткнулись на натопанную кабанью тропу. Несколько лёгких шагов, и ветки сомкнулись над тропой, получился туннель под кабаний рост. Делать нечего – смиренно опускаемся на четвереньки и ползём. Только бы кабаны не пошли сейчас нам

навстречу, здесь не развернуться, не разойтись. Но тут ивняк кончается и начинается гладкая песчаная отмель, мы на неё радостно вываливаемся.

– Речная мудрость №1: за каждым ивняком есть отмель. И, смотри, на том берегу за отмелью начался ивняк. Хорошо, что мы не там.

– Да, это тот редкий случай, когда хорошо там, где мы есть!

Хорошо. Очень хорошо идти по песчаной косе, где валяются раковины беззубок, куда вылезают отдыхать бобры и выдры. Простор и свобода после тесноты ивняка. Хоть танцуй или бегай кругами, как те кабаны, весёлые следы которых рассыпаны по песку.

Но за каждой отмелью обязательно тебя ждёт новый густой ивняк. Речная мудрость №2. Это как полосы жизни – чёрные и белые.

Как-то раз я тоже так шла по берегу обмелевшей реки, и стало мне обидно. А нельзя ли как-то обмануть реку и идти по одним только отмелям? И в конце очередной отмели я ступила в воду и перешла реку вброд, минуя ненавистные заросли. Быстро пробежала по косе, а когда та закончилась, пошла на другой берег через тёмную холодную воду. Брод оказался глубже, течение сильнее, слегка залила правый сапог, а главное – потратила много времени, выбирая путь. Ещё один плёс позади. Но на следующем переходе я оступилась, и река хлынула во второй сапог. Тем временем наступили сумерки... Мораль: не пытайся обмануть реку.

И вот мы опять в ивняке.

– Он непроходим совершенно, – говорит Маруся, упёршись в сплетение ветвей горячим лбом.

– Речная мудрость №3: непроходимых ивняков нет. Запомни.

– А вдруг есть, и это именно он?

Впереди сплошное серое переплетение ветвей и стволов. Бобр проползёт низом, кабан прoderётся, проломится, птицы пролетят легко.

Бобры из Митиной старицы. Фото А. Панкова.

Андропова лука

Возможно, кому-то кажется, что скучно из года в год ходить по одним и тем же местам. Вчера я присела передохнуть на берегу Андроновой луки. После листопада лес стал тих сам по себе, но пронизаем для звуков. На несколько километров вглубь заповедника проникают лай собак, крики петухов, шум моторов. Андропова лука похожа по форме на вопросительный знак. Я думаю о том, кто такой Андрон и почему он дал староречью своё имя. Такие вопросы уходят в глубину песка и ила.

Как-то давно я встретила здесь старую слепую лосиху. Она учуяла меня и крутилась вслед за запахом, неестественно поднимая голову. Мне показалось, что на глазах у неё бельма. Она была костлявая и страшная, как сама лосиная смерть. Шла за запахом, а запах вёл её в ледяную воду. Она проходила несколько шагов в воде и возвращалась на сушу. Делала круг и снова оказывалась у воды. Я хлопала в ладоши и кричала, чтобы прогнать её. Может и на ухо старушка была туговата? Теперь и костей её не осталось, наверное. Обгрызли волки, растащили лисы, источили мыши.

Как-то раз весной по половодью мы зашли в эту старицу на лодке. Я просила Лёшу проехать подальше, и он, хоть и ругался на чёрные опасные стволы, всё-таки добрался почти до конца Андроновой. Там берег был выше, и мы увидели пристроенную к нему весеннюю хатку, старую и нежилую с виду. Но всё-таки вышли посмотреть. Крыша хатки была настолько дырявой, что через неё мы разглядели огромного чёрного бобра, лежащего на стружках. Он грозно зашипел на нас, и мы отошли...

Резиновую лодку мы тут однажды проткнули о подводную корягу, чёрный дубовый зуб. Желтоватая, мутная вода, зыбкая сплавина из сабельника и проваленные бобровые норы по берегам. Как-то уже не ждёшь от этого места ничего хорошего.

А в прошлом году мы во время бобрового учёта пришли сюда и удивились. Осень была маловодная, почти как нынешняя, и

бобры пристроили к норе замечательный козырёк из веток и ила, чтобы прикрыть обсохший вход. Углубили дно и затопили заготовку из берёзовых веток. Рядом с норой плавали белые погрызы, коротенькие и толстые. Всё это в целом выглядело так уютно и симпатично, что на сердце потеплело. Я, человек совершенно бесхозяйственный, очень радуюсь, видя чьё-то крепкое и красивое хозяйство. Говорю с последней искренностью:

– Молодцы бобры. Так держать!

Если бы я могла как-то их поощрить, ну, может, грамоту им какую-то выдать, – я бы с радостью. Или табличку повесить, как в советские времена: «Дом образцового содержания и высокой культуры быта». Но я только учётчик, бобровый летописец, исследователь. Моё дело – фиксировать, но не влиять.

И вот вчера я сидела возле того самого козырька, надстроенного бобрами в прошлом году. Вода ушла ещё сильнее, и никаких признаков подновления и починки жилища не было видно. Жёлтая вода местами покрылась первым ледком. Кое-где валялись погрызы, но от прошлогоднего добротного хозяйства не осталось и следа. Неужели опять на озере живёт какой-то старый холостяк, депрессивный бобр-одиночка?

Учёт бобров по поселениям – увлекательное занятие. Вот небольшая лесосека, сгрызено и унесено несколько молодых дубков. Дальше – свежие бобровые следы. Провалившаяся нора. Живут здесь бобры или ушли зимовать в реку, прихватив с собой несколько веток из водоёма? Отмечать здесь поселение или нет? Пока не пройдена вся старица, выводы делать рано. Вдалеке на берегу виднеется что-то белое. Смотрю в бинокль – недавно сгрызенное дерево сияет обнажённой древесиной! Оказывается, в самый хвост пересыхающего озера ушла в этом году бобровая семья, там и свежим илом лоснящаяся полухатка, и заготовка – всё как положено. И погрызы бобрят-сеголетков – главный знак того, что у бобров в Андроновой луке всё благополучно.

Это так здорово – разобраться в бобровых уликах, найти их зимнее жилище и заготовку, то есть найти искомое. Когда после долгих усилий и сомнений находишь и отмечаешь на карте бобровое поселение, в мозгу выделяется гормон радости.

Пожалуй, даже больше, чем от шоколадки и чая из термоса.

Сабельниковое и Кабанье

Пойменные водоёмы стареют по-разному. Некоторые речные излучины, оказавшись в стороне от основного потока, как-то быстро мелеют, забиваются песком, распадаются на цепочку баклуш. Отмирают, не успев даже толком отделиться от реки и получить имя. Называют такую излучину условно «Новая», а лет через десять родится ещё одна «Новая», а та уже не новая, а старая – неузнаваемо измельчавшая, ни на что не годная. В межень – песчаная и сухая, как дорога, вся в звериных следах. В половодье только оживает, вспоминает своё проточное прошлое.

Некоторые старицы стареют густо, зелено. Река не заносит их песком, но удобряет жирным илом, и они прорастают рдестами, кувшинками, сочным стрелолистом, ежеголовником, хвощом, хрустящим под ногами. Эти весёлые живые старицы, привлекающие со всей округи зверьё, к осенней межени открывают на всеобщее обозрение богатства своего дна – клубни, корневища и моллюсков в буром иле. Одно такое безымянное озерцо, зелёное от манника и изрытое к осени кабанями, я назвала Кабанье. А рядом с ним – Сабельниковое.

Озеро Сабельниковое, как и Кабанье, напоминает подкову. Родные сёстры, тем более, что и бобры ходят из одного водоёма в другой по набитой тропе. Но их развитие пошло разными путями.

Одна старица зарастает весело, зелено, многообразно, а другая, по всему вроде такая же, – уныло тухнет под сплавинной из сабельника болотного. Наступишь на сплавину из переплетённых корневищ сабельника – она зашатается под ногой. Выступит зловонная жижа с радужной плёнкой, запахнет болотом, но не верховым

(с горьким пряным ароматом багульника), а низинным, гниlostным, с сероводородным душком. Будущее Сабельниковой старицы – ивовое болото, а потом просто серый непролазный ивняк.

Сабельниковое с Кабаньим – дочери одной реки, могут даже не сильно различаться по возрасту. Это озёра-старушки, в их котловинах уже не узнать очертаний русла, сровнялись берега, когда-то бывшие асимметричными, как это приличествует речной излучине. Но в какой-то момент пути двух стариц разошлись, они стали зарастать по-разному. Почему? – меня очень занимал этот вопрос. Удалось выяснить вот что: в пойме реки судьбы водоёмов зависят от их расположения относительно транзитного потока полых вод. Паводковые воды могут каждую весну заносить старицу песком, илом или промывать её котловину, унося с собой отмершие остатки растений, а могут не затрагивать вовсе. От этого будут зависеть растительность озера, его глубина, его облик.

Сабельниковое так заросло сабельником, что открытую воду видно только в середине озера и в каналах, прочищенных бобрами. Если другие растения там и есть, то очень немного. На бурых многолетних корневищах сабельника поселились мхи. Кабаны сюда не заходят: неинтересно и топко.

Зато бобры охотно живут, сабельник жуют. Листья – тусклые зелёные «сабли», почки, корневища. Бобру жить в Сабельниковом озере – всё равно что личинке яблоневого плодояржа в яблоке или моли в валенке. Посреди сабельника, на сабельнике – стоит хатка, частично сделанная из сабельника. Дело вкуса.

Одни старицы мелеют и превращаются в болото, а другие с каждым годом, с каждым веком становятся только глубже и шире. Транзитные потоки полых вод благоволят к ним, флора их богата, и вода не иссыкает даже в самую сухую осень. Такие озёра носят древние красивые, до-русские ещё имена, как, например, Толпега, и помнят времена совсем другие.

Некоторых украшает старость...

Серый день N 3: при реках Вавилона

«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе...»

Псалом 136

Наверное, у всех так бывает: какой-то непримечательный эпизод проживается буднично, а потом неожиданно откладывается в том отделе памяти, где хранится пронзительно-нежное, родное и грустное.

А тот день был серый, сырой, тёмный с самого утра. Ноябрьская мгла съела тихие цвета предзимья, навалилась на пойму Оки, размыв очертания бакенов и створных знаков. Сама река смотрела холодно, недобро. Мы с Лёшей сидели на берегу, мёрзли и делили на двоих последний бутерброд с копчёной колбасой. Несколько глотков печального чая из термоса, и надо отравляться в обратный путь – на кордон. Впереди переправа через реку на резиновой лодке, ветер обжигает руки. Успеть бы до темноты. Не успеем: вот он уже, сумрак. Лёша ворчит: чем-то недоволен. Я нахожу в рюкзаке маленький кусочек шоколадки и отдаю ему. По реке мимо нас меланхолично движется баржа, может быть, последняя в этом сезоне. Капитан (как не холодно ему на ноябрьской реке?) смотрит на нас в бинокль. Течёт холодная и угрюмая, как налим, вода. Молчат ивняки. Наваливаются усталость и странная грусть. Осенняя, речная.

Серое беспросветное небо, остывшая река, печальные ивняки. И в серой мгле этой, будто на чёрно-белом фото, – капли красной краски. Шиповник. Красные ягоды шиповника.

Знать бы тогда, что именно этот стылый берег, эту реку, эту баржу, этот бедный ноябрь я буду вспоминать много лет спустя «на реках Вавилона», вдали от любимых мест, и это воспоминание будет пронзительно-грустным и прекрасным, почти невыносимым.

В разлуке, на совсем других берегах, буду вспоминать тот последний бутерброд с кружками копчёной колбасы на двоих, глоток остывшего чая...

Река с холодными рыбьими глазами будет стучаться в мои сны, лишит покоя.

И заставит вернуться.

Подробности темноты

Всё прекрасно в моём любимом предзимье, кроме очень короткого светового дня. Люди, работающие в конторе, могут не знать, когда в ноябре заходит солнце. Уходят с работы, когда давно уже темно, пробираются по посёлку с фонариками, как большие усталые светляки (кто забыл фонарь – упадёт в яму). Но тот, кто осенью проводит на реке учёт бобров, невольно изучит все подробности наступления темноты.

С каждым днём закат всё раньше, а сегодня в 16-14. Ровно в это время на моём навигаторе включается ночной режим и фон экрана становится чёрным. Это похоже на дурной знак, учитывая, что до дома осталось пройти сорок километров на моторной лодке по извилистой лесной речке, где с одной стороны мели, с другой – стволы и коряги «смерть мотору». В световой день не уложились, а фары забыли в посёлке.

Сначала кажется, что ещё совсем светло и навигатор зря бьёт тревогу, но на небе появляется розовый отсвет, и день быстро гаснет.

На берегу мелькнули волки, но тут же потерялись в серых зарослях; контуры их уже размыты, как и контуры торчащих из воды коряг в Сухой речке. Сухая речка – это рукав реки Пры, относительно молодой и потому особенно сильно заваленный упавшими дубами. Мы преодолели её без потерь, несмотря на мрачное замечание Лёши: «Тут мы мотор оставим, и всё!».

В 17 часов уже можно констатировать густые сумерки, хотя западная часть неба ещё светится, но не розовым, а зеленоватым. Миновали кордон Старое... Можно было заночевать там, но решили добираться до посёлка. Как-то неожиданно перед глазами повис ковш Большой медведицы.

К 18-ти часам запад перестаёт светиться и всё небо от края до края прорастает множеством звёзд. Проехали Попову заводь, скоро Жёлтый брод. Хорошо, что тучи куда-то съехали к горизонту и растворились и от звёзд хоть какой-то свет. Видно небо в звёздах и воду в тех же звёздах, между чёрными лесными берегами, слившимися в единую массу со своим отражением. Лёша, мрачно вспоминая забытые фары, – за рулём, и наше благополучие зависит от его знания реки «на ощупь», и я смотрю во все глаза, чтобы заметить корягу и вовремя закричать. Коряги резко появляются из темноты, несутся прямо на нас. По воде всё время идёт какая-то рябь, пляшут звёзды и отблески, и совершенно непонятно: коряга, плывущий бобр или просто течение. Лодка остановилась. Полная дезориентация. Оказывается, мы в метре от берега сидим на мели. Едем медленно и осторожно.

Брод Мочилово – совсем немного осталось, но не видно ничего, кроме звёзд. И вроде не до красоты должно быть мне сейчас, а они так и заслоняют всё собой, и я украдкой люблюсь, потому что, кроме крупных, ярких, проступает ещё множество мелких, как пыль, а некоторые ещё и падают. Так едем ещё сколько-то времени на пределе внимания, а потом вдруг тёмный берег расцвёл большими яркими звездищами, как новогодняя ёлка – посёлок близко, только надо преодолеть опасное место, где раньше была мельница. Вот уже светлым пятном мыс, ещё чуть-чуть – и «лодочная».

Причаливаем. Я на радостях обнимаю Лёшу, говорю: «Молодец, горжусь тобой, в темноте такой реку прошёл» и тут раздаётся нехороший металлический звук.

– Что это?

– Врезались в гидропост – упавшим голосом отвечает Лёша.

Бобровая песня

Наверное, Создатель рассыпает по людским будням всякого рода жемчужинки и бисеринки, чтобы мы находили их и воодушевлялись. Хотя будни учёточка бобров в заповеднике не серые, а всех сложных и тонких цветов предзимья, но накапливается усталость от хождения по ивнякам в болотных сапогах, от бесконечных бобровых погрызов, которые уже снятся ночами. И вот мне перепала такая «бисеринка».

На одном из озёр в пойме Оки остановилась напротив бобровой хатки, стала отмечать в навигаторе заготовку веток. И вдруг из хатки, покрытой изморозью, послышались звуки... Сначала один голос – что-то вроде «хны-хны-ыыыы-ыыы», а потом подключились ещё голоса и стали мелодично и нежно вторить – «ыыы-ыыы, ыыы-ыыы». Я знаю, что бобры издают такие звуки, но никогда не слышала, чтобы они пели хором и так красиво. «Песня» длилась минут пять, и я стояла не шевелясь, боялась спугнуть «певцов».

Что это была за совместная вокализация, каков её смысл и почему среди бела дня – я не знаю. Но это было так хорошо, так духоподъёмно, что просто «остановись, мгновение»: ясный ноябрьский день, иней на ивовых кустах, тонкий ледок отражает голубое небо... И бобры в хатке (представляю: обнявшись) поют негромкую бобровую песню.

Бобры на весеннем плотике. Фото А. Панкова.

ЧАСТЬ 3

НАПЕРЕГОНКИ С ЗИМОЙ

Ледостав

«...Вода закрывает глаза»

Ю. Коваль

Человек, проводящий учёт бобров, старается обогнать зиму. Когда вода закроется льдом, а рыхлый снег спрячет под собой бобровые погрызы и следы, работать будет очень трудно. Надо успеть пройти все маршруты до окончательного ледостава и больших снегопадов.

Зима почти никогда не наступает сразу. Она делает шаг, и кромка воды подёрнется хрупким ледком. Песок станет плотным от затвердевшей влаги. Ещё один шаг – на воде распускаются ледяные перья, на берегу – белая шерсть инея. А потом шаг назад: снова ноги проваливаются в оттаявший ил.

Бобры это всё знают наизусть, приходится знать и нам.

Немного зимы – это даже неплохо. Щепотку пороши, льда самую малость у берега – и лучше видны свежие следы бобров, легче ходить. Снег, если его немного, актуализирует информацию, оставляя только самое свежее. Снег заставляет жить сегодняшним днём.

Человек, проводящий учёт бобров, должен вместе с водой пройти путь от первых кристаллов льда до полного ледостава. Учётчик знает, как изменяется в первые морозные дни звучание реки. Появляются острые нотки, холодный шепоток. Бобр выходит из норы под лёд со звоном, весело бегут к поверхности пузырьки воздуха из его пушистой шубы. Кувыркаясь, прилипают к внутренней стороне льда белыми блинчиками.

Тонкая ледяная плёнка колыхается от волны, поднимаемой зверем. Будто не бобр, а целый кит. Кто-то изнутри пытался головой пробить лёд потолще – разошлась в разные стороны правильная паутина трещин.

Несколько морозных ночей, и зима начерно сшила небольшую старицу льдом от берега до берега. Мелкая стоячая вода поддаётся морозу легко. Лёд ещё тонкий – выдержит дубовый лист, гонимый ветром. С каждой ночью лёд будет крепчать: сначала удержит на себе норку, потом выдру, лисицу, бобра. Потом мороз отступит, и дождь будет капать на лёд – он помутнеет, разойдётся, чтобы в скором времени сомкнуться вновь.

Шугоход

Ночью звёзды на небе сверкали, речной песок стал твёрдым, как асфальт, дубовые листья под ногами захрустели. Стремительно остывает река Пра: не выдерживая морозного воздуха, переохлаждённая близ поверхности вода схватывается кристаллами, тонкими льдистыми иглами. После нескольких бесснежных морозных ночей по реке со змеиным шипом поползла шуга.

Торжественный ход шуги меня завораживает, как похоронная процессия. По воде, будто бы потемневшей от холода, плывут и плывут к устью реки зловещие сгустки тонких колючих льдинок.

Недобрый голос у шуги, и осенний шугоход, в отличие от весеннего ледохода, сердца не веселит. С каждой морозной ночью всё больше на реке шуги, она липнет к заберегам, скапливается на перекатах. Грозится заполнить собой реку, спрятать живую текучую воду.

Шуга живёт на грани осени и зимы, на грани воды и льда. Течение не даёт ледяной каше замёрзнуть, а температура – растаять.

Льдистая полупрозрачная масса медленно возвращается на поверхности тёмного омута. Когда идёшь по урезу воды – ломаешь тоненькие ледяные забереги. Льдинки отрываются и плывут за тобой, похожие на слюдяные крылья мух, комаров, ос и шмелей.

Но лишь только температура опять становится положительной – шуга растворяется в воде. Струи трутся о забереги, пульсируют в промоинах. Лёд тает, как сахар в чае. Ещё только предзимье, ещё не время.

Снежура

С вечера поднялся ветер и повалил мокрый снег. К утру замело наши следы у крыльца. Мы долго мнёмся, но всё же решаемся отправиться на учётный маршрут. И хорошо, потому что снег пока ещё не отнял у нас возможность найти бобровые поселения, но лишь усложнил задачу. А если идти очень не хочется, то тогда точно надо – проверено.

Снег всю ночь падал в остывшую реку, и его много скопилось в воде. Снежные сгустки, плывущие по течению, какдохлые медузы, как размокшая вата, как окупёвый жир в ухе – это снежура. С шорохом и шелестом холодные сгустки врезаются друг в друга и вместе влекутся в тихий омут, забитый снежурой.

Снежура – это вам не шуга. Не надо путать. Шуга полупрозрачная, льдистая, а снежура – белёсая, мутная. Но для реки особой разницы нет, какие именно предвестники ледостава повышают вязкость её воды. Всё, как обычно, закончится мутным шероховатым льдом.

Уже ради одной этой снежуры стоило выходить на маршрут. Издалека в карей воде реки Пры она напоминает пенку на капучино.

Радуюсь, как ребёнок. Но, если честно, в детстве меня такие вещи не особенно впечатляли, я предпочитала читать книжки про любовь. Так что теперь мне ничего не остаётся, как идти по мелководью и пинать сапогом снежуру: она распадается на наивные изображения рыб, улиток, роз и вьётся русалочьими волосами. Эту сказку надо прожить – лучше поздно, чем никогда.

В холодном и неверном мире воды и льда резвятся околотовые звери.

На толстый слой снежуры вылезла крупная выдра, прошлёпала по нему, бодро приподнимая мокрый хвост, потом бултыхнулась в воду, провалившись в жидкое снежное месиво. Снова высунула весёлую усатую морду, смотрит, как я ёжусь от промозглого ноябрьского холода.

Зима

Мы никогда не знаем, когда закончится наш учётный сезон. Иногда предзимье вдруг обрывается отчаянным снегопадом. Бывает, зима наваливается на округу, как медведь. Вывалит снега столько, что обрываются провода и маленький заповедный посёлок Брыкин Бор остаётся без электричества.

Если не успеваешь с учётом бобров, то думаешь: подожди, зима, ещё немножко предзимья оставь. Голого, тёмного, любимого моего предзимья. Ещё немножко сухих белобрых злаков, чёрной пижмы, белого речного песка, терракотового и охристого дубового опада, старого серебра осиновых листьев. Чёрных кабаньих пороёв, очевидных бобровых погрызов и косолапых следов на грязи. Ясности и прозрачности леса, где среди древесного подроста не укроется ни один зверь. Не надо белой завесы, толстого рыхлого покрывала. Ещё немного журчащей, текущей, пульсирующей воды...

А зима знай себе слушает, да валит снег.

Если река не успела замёрзнуть, то лежит в снегах, словно старое зеркало. Красавице нашей всё к лицу.

А в этом году все предзимьем измаялись: дело к Новому году, а снега всё нет. Люди в посёлке жаловались: темно ходить из конторы домой, безрадостно.

Замёрзли последние полыньи, промёрзла голая земля. Звери в лесу смиренно ели иней, чтобы не погибнуть от жажды. Снегопады обошли заповедник стороной.

– Это нам за наши грехи, – вздыхал инспектор, которого мы с Лёшей встретили по пути на один из наших последних маршрутов. Небывалое вышло предзимье – долгое и морозное.

А в середине декабря всё-таки пошёл снег и поставил рыхлую белую точку в конце нашего учётного сезона.

До свидания, бобры!

Хорошей вам зимовки.

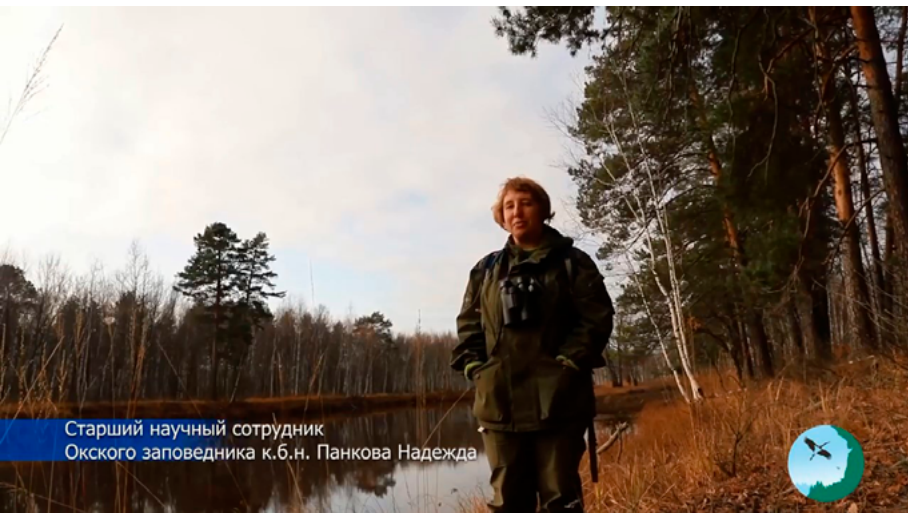
И спасибо вам за ваши дары. Не шкуры, не мясо, не «бобровая струя». Дары бобров нам, их учётчикам, – мир рек и озёр, потайная красота, которая открывается только самым стойким.

За одну ночь заповедный посёлок Брыкин Бор стал похож на новогоднюю открытку. Уютно склонились к крышам убелённые сосновые лапы. Откуда-то сразу появились праздничные гирлянды, тёплым светом засветились окошки. Запах печного дыма смешался со свежим ароматом снега.

Кажется, так же уютно сейчас должно быть в бобровых норах, хатках и полухатках, укрытых снегом. Надёжно, спокойно.

Река, окончательно успокоившись до весны, оказалась извилистой белой дорогой, по ней потянулись цепочки следов. Но это уже совсем другая история...

Видеоролик автора об учёте бобров:

Старший научный сотрудник
Окского заповедника к.б.н. Панкова Надежда

14/01/2017 03:

Видеосъёмки бобров Окского заповедника

**ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РЕДКИХ,
МЕСТНЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ,
УПОМИНАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ**

Баклуша – небольшой пойменный водоём.

Белокрыльник – белокрыльник болотный *Calla palustris*, многолетнее болотное растение из семейства Ароидные.

Водораздел – местность между бассейнами двух или нескольких рек.

Водораздельные (внепойменные) озера – озёра, расположенные на водоразделе, вне территории, затапливаемой полыми водами.

Гать – настил из брёвен для проезда через топкое место.

Гидропост – место, где регулярно производятся измерения уровня воды и других важных гидрологических параметров. Гидропост оснащён водомерной рейкой.

Грива (сосновая грива, песчаная грива) – форма рельефа. Удлиненное, вытянутое повышение среди болот, сложенное песками и поросшее сосновым лесом.

Кубышка – кубышка жёлтая *Nuphar lutea*, водное растение семейства Нимфейные, с жёлтыми цветами, плавающими листьями и толстыми многолетними корневищами.

Кувшинка – кувшинка белоснежная *Nymphaea candida*, водное растение семейства Нимфейные, с белыми цветами, плавающими листьями и толстыми многолетними корневищами.

Манник – манник большой *Glyceria maxima*, прибрежное и болотное растение семейства Злаковые.

Меандрирование – формирование хорошо выраженных излучин (меандр) речного русла на широкой пойме. Меандры (излучины) образуются из-за того, что движущийся поток воды обходит неподдающийся размыву препятствия, такие как выходы твердых пород. Систему меандров поддерживает постоянный размыв берегов речной водой, происходящий ассиметрично. Потоки воды обтачивают и размывают внешнюю сторону излучины (высокий берег) и переносят отложения на внутреннюю сторону изгиба (пляж).

Образование меандров распространяется, как правило, вниз по течению реки. Иногда петли меандра смыкаются в кольцо и после того, как отложения отделяют их от реки, превращаются в старицу. Термин происходит от названия извилистой реки Меандр.

Межень – фаза водного режима реки, характеризующаяся низким уровнем воды.

Морена – обломки горных пород, перенесённые ледником на некоторое расстояние. Состав морены разнообразен: глина, суглинки, пески, гравий, щебень, галька, валуны.

Подсочка – нанесение специальных надрезов на ствол дерева (чаще всего – сосны) для получения живицы.

Притеррасные впадины – понижения рельефа в месте, где пойма реки подходит к надпойменной террасе.

Рдесты – водные растения рода *Potamogeton*, полностью погружённые или с плавающими листьями.

Реаклиматизация (реинтродукция) – повторное заселение на территорию видов животных, обитавших там ранее, но по какой-либо причине исчезнувших.

Рожны, осоки, поволоды, ковши – орудия для лова бобров, упоминающиеся в старинных документах. Как предполагает В. П. Скалон в книге «Речные бобры Северной Азии» (1951), рожны и осоки были переносными орудиями, а поволоды и ковши – стационарными ловушками.

Рыболовный запор – способ рыбной ловли, известный со времён неолита. Принцип запорного лова заключается в перекрытии части русла реки, залива или озера для ограничения хода рыбы.

Сплавина – слой водной и болотной растительности, нарастающий со стороны берега к центру водоёма. Состоит из корневищных растений (белокрыльника, вахты, сабельника) и мхов.

Стародонье – то же, что и староречье.

Староречье – часть речного русла, утратившая проточность и зарастающая водной и болотной растительностью. Может применяться как синоним слова **старица (старичное озеро)**, если речь идёт о старом русле, наполненном водой. Также староречьями называют низины, оставшиеся на месте древних русел.

Телорез – телорез алоэвидный *Stratiotes aloides*, водное растение из семейства Водокрасовые, представляющее собой розетку колючих листьев, плавающую на поверхности воды.

Фотоловушка – автоматическая фотокамера, оснащённая датчиком движения. Используется для наблюдений за животными без присутствия человека. Современные цифровые фотоловушки работают в режимах фото и видео.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Подробнее про природу и историю Окского заповедника можно прочитать в книге:

Окский заповедник. История, люди, природа / под ред. В. П. Иванчева. Рязань, 2015.

Реинтродукции, экологии, биологии и мониторингу речного бобра в Окском заповеднике посвящены следующие научные статьи:

Бородин М. Н. Результаты и перспективы расселения речного бобра в бассейне реки Оки // Сборник материалов по результатам изучения млекопитающих в госзаповедниках. Москва, 1956. С. 95-136.

Кудряшов В. С. О факторах, регулирующих движение численности речного бобра в Окском заповеднике // Млекопитающие. Численность, ее динамика и факторы, их определяющие. Труды Окского заповедника. Вып. 11. Рязань, 1975. С. 5-124.

Панкова Н. Л., Панков А. Б. Бобры в Окском заповеднике / Бобры в заповедниках европейской части России // Труды Государственного природного заповедника «Рдейский». Том 4. Великие Луки, 2018. С. 202-253.

Водоёмам заповедника, их растительности и использованию околоводными животными посвящена монография автора:

Панкова Н. Л. Структура и динамика растительного покрова водоёмов Окского заповедника / Труды Окского государственного природного биосферного заповедника. Вып. 31. Рязань, 2014. 166 с.

Панкова Надежда Леонидовна родилась в Москве в 1982 году, с 14-ти лет ходила в кружок при Дарвиновском музее (ВООП). Закончила экологический факультет РУДН. С 1996 года ездила в экспедиции, побывала во многих заповедниках Европейской России и Урала. С 2006 года работает в системе ООПТ, несколько лет провела в Западной Сибири (ХМАО). В настоящее время работает старшим научным сотрудником Окского государственного заповедника (Рязанская область), кандидат биологических наук. Область интересов: околотовные животные, кабан, барсук.

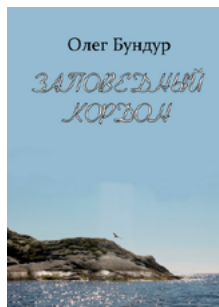
Автор монографии, научных работ в области экологии и зоологии, научно-популярных заметок о жизни животных, художественных произведений. Публиковалась в журналах «Бельские просторы», «Ликбез», «Под часами», на интернет-сайтах (<http://ecosystema.ru>).

Призёр литературного конкурса произведений о природе «Сохраним Красоту» 2019 г. в номинации «Художественные произведения для взрослых».

Книги о природе

Одним из направлений деятельности Уральского Провинциального Издательства является выпуск книг о природе, часть печатного тиража которых распространяется в рамках благотворительного издательского проекта «Сохраним Красоту».

Издательством выпущены в печатном и электронном виде книги писателей-натуралистов, иллюстрированные фотографиями природы:

Олег Бундур. Заповедный кордон

Цикл рассказов был создан по впечатлениям от поездки автора на Купчининский кордон, что на острове Великом в Белом море. Автор доступно, образно, внешне безыскусно рассказывает о красоте родного и такого незнакомого большинству из нас природного мира.

Владимир Назаров. Песнь и плач Матери-Земли

В 2-х книгах.

В книги журналиста и фотографа-натуралиста вошли очерки и статьи о природе Среднего Урала и Ханты-Мансийского Автономного Округа (ХМАО-ЮГРА), созданные им за 50 лет литературного творчества.

В своих произведениях он воспекает «мудрость» и красоту Природы и, в то же время, показывает её хрупкость и уязвимость. Автор слышит её стон, её плач от неграмотного, потребительского и грубого обращения с ней и призывает бережно относиться к окружающему нас миру.

Надежда Панкова. Бобровый кордон

В книгу включены очерки, в которых сотрудник Окского заповедника делится с читателями тайнами жизни бобров в пойме заповедной реки Пры, а заодно – эпизодами своей собственной жизни в заповедном посёлке. Тексты автора о бобрах и людях рядом с ними – редкое сочетание научной достоверности и мастерского владения художественным словом.

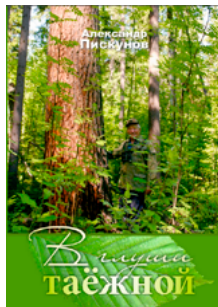
Александр Пискунов

В глуши таёжной

Книга содержит произведения о животном и растительном мире Висимского природного биосферного заповедника.

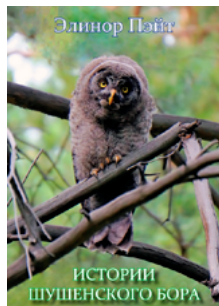
Где рождаются облака

В сборник включены рассказы о пернатых питомцах автора и природе родных для него мест, очерки о путешествиях.

Элинор Пэйт. Истории Шушенского бора

В своих историях автор показывает естественную жизнь Национального парка «Шушенский Бор», делится своими чувствами, открытиями и приключениями, неожиданными встречами и той любовью и силой, которые она нашла в этих краях.

О литературном конкурсе произведений о природе «Сохраним Красоту»

Литературный конкурс произведений о природе «Сохраним Красоту» посвящается уральскому природозащитнику, сотруднику Висимского заповедника, писателю-натуралисту Александру Николаевичу Пискунову (1927-2009). Организаторы конкурса – ФГБУ «Висимский государственный природный биосферный заповедник» и Уральское Провинциальное Издательство.

Конкурс проводится в целях:

- стимулирования литературного творчества писателей-натуралистов, краеведов и экологов;
- популяризации произведений о природе, природоохранной и экологической тематики;
- развития интереса к изучению животного и растительного мира особо охраняемых природных территорий Урала и сохранению его природного богатства;
- содействия экологическому воспитанию и образованию, пропаганде бережного отношения к окружающему миру.

Задачами конкурса являются повышение общественного интереса к современной литературе о природе; выявление и поддержка авторов, пишущих об уральской природе; поиск произведений для издания книг.

В состав жюри входят экологи, представители писательского сообщества, литературоведы.

С подробной информацией о конкурсе можно ознакомиться на сайте Уральского Провинциального Издательства.

<http://uralizdat.ru/index/0-8>

Уральское Провинциальное Издательство (Урализдат) осуществляет подготовку и издание книг в печатном виде и цифровом формате (E-book).

Основная тематика изданий - история и краеведение Урала, проза и поэзия уральских писателей.

Подробно с деятельностью издательства и продукцией можно познакомиться на [сайте http://uralizdat.ru](http://uralizdat.ru).

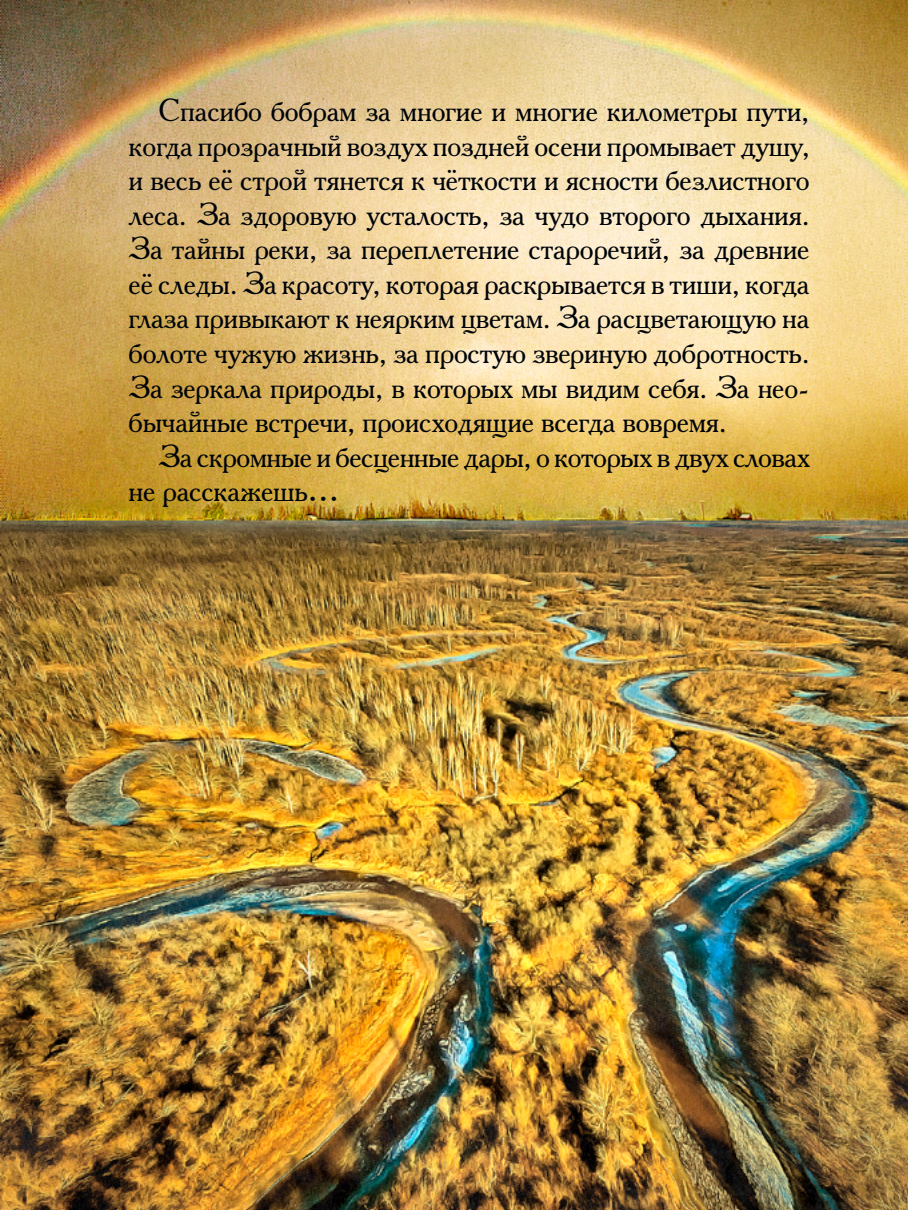
Приглашаем на [Facebook](#), [Youtube](#), [Calaméo](#), [Flickr](#) и [Pinterest](#)

Наши книги можно приобрести на [сайте издательства](#) или интернет-магазинах:

Контакты: e-mail: uralizdat@gmail.com, uralizdat@bk.ru

тел. +7- 922-221-46-16

Спасибо бобрам за многие и многие километры пути, когда прозрачный воздух поздней осени промывает душу, и весь её строй тянется к чёткости и ясности безлистного леса. За здоровую усталость, за чудо второго дыхания. За тайны реки, за переплетение староречий, за древние её следы. За красоту, которая раскрывается в тиши, когда глаза привыкают к неярким цветам. За расцветающую на болоте чужую жизнь, за простую звериную добротность. За зеркала природы, в которых мы видим себя. За необычайные встречи, происходящие всегда вовремя.

За скромные и бесценные дары, о которых в двух словах не расскажешь...